

paid to the process and influence of Russian loanwords on the Yakut language, qualitative changes in the semantic structure of Yakut lexical units, in particular, the use of colorful, figurative means in the Yakut literary language. The research of an outstanding scientist Professor Petr Sleptsov on lexicology and lexicography contain a great number of ideas that have inspired further studies.

Keywords: Yakut literary language, the process of standard change, lexicology, lexicography, borrowing, word formation, expressivity.

С.Н. Курилова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.016

УДК 811.554

Проблемы становления общенациональных норм юкагирского литературного языка

Статья посвящена вопросам становления юкагирского литературного языка и определению направлений его дальнейшего развития. Особое внимание уделено причинам, препятствующим выработке литературных норм. Основная причина кроется в значительном расхождении систем двух сохранившихся до наших дней юкагирских диалектов, что обусловлено, с одной стороны, спецификой исторических условий формирования юкагирского языка, а с другой – иноязычным влиянием. Фонетические и лексические различия между тундренным и лесным диалектами, обозначенные за последние десятилетия исследователями, подвели к вопросу о пересмотрении таксонов юкагирских идиомов и переводе их в статус самостоятельных близкородственных языков. Как следствие, выработанные графика и орфографические нормы, рассчитанные на юкагирские идиомы в статусе диалектов, на практике стали достоянием тундренных юкагигов и не получили должного распространения у лесных юкагигов. С учетом этого, по мнению зачинателя юкагирской письменности и орфографии Г.Н. Курилова, необходимо предпринять кодификацию имеющихся расхождений и доработать существующие нормы и правила юкагирского правописания. Предлагаемая им реформа литературного языка также предусматривает модернизацию языка с привлечением материала не только двух сохранившихся, но и зафиксированных в различных источниках исчезнувших юкагирских языков, т.е. за счет собственных словообразовательных ресурсов. Общепринятая форма языка позволит расширить сферы и формы его общественно-речевой практики.

Ключевые слова: тундренные юкагиры, лесные юкагиры, юкагирский язык, идиом, диалект, литературный язык, письменность, норма, совершенствование, словообразование, заимствование, аффикс.

Начало 90-х гг. XX в. принято считать началом становления литературного юкагирского языка (далее – ЮЛЯ), заделом для которого явились разработанная в 1969 г. письменность и кодифицированный в 1987 г. алфавит. В узком понимании, литературный язык – это обработанная и нормированная форма национального языка, противопоставляемая территориальным диалектам и принимаемая диалектоносителями за образцовую. Поскольку мы уже располагаем конкретной датой возникновения ЮЛЯ (по источникам это 1993 г.), то в данной статье мы попытаемся выяснить, на каком этапе развития он находится и насколько целесообразно применение понятия «литературный язык» по отношению к современному юкагирскому языку.

Юкагирский язык в настоящее время представлен двумя сохранившимися идиомами – тундренным (северным) и лесным (южным). Тундренный идиом характерен для юкагигов Нижней Колымы (самоназвание – вадул), лесной – для юкагигов Верхней Колымы (самоназвание – одул). Статус диалектов эти два идиома юкагирского языка получили в исследованиях В.И. Иохельсона, первым открывшим их миру. Он писал: «...Оказалось, что не только язык еще сохранился в Верхнеколымских юкагирских родах, но что выработался отдельный тундренный диалект» [Иохельсон, 1900, с. 158]. Позднее, имея уже достаточно языкового материала, Иохельсон с уверенностью констатировал наличие двух диалектов юкагирского языка:

© С.Н. Курилова, 2018

«... Мои исследования точно доказывают существование двух независимых диалектов – колымского и тундренного» [Иохельсон, 2005, с. 89]. При этом ученый подмечал фонетические и лексические расхождения между ними на основании географического положения (территориально-изолированные диалекты) и языковых контактов (влияние языков соседствующих народов – чукчей, тунгусов, якутов, русских). Вопрос о таксономическом статусе юкагирских идиом также был затронут Е.А. Крейновичем в статье 1968 г. «Юкагирский язык». Ученый отмечал существенные диалектные различия на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях, предполагая, что дальнейшие исследования могут подтвердить гипотезу о самостоятельности юкагирских языков [Крейнович, 1968, с. 452]. Позднее его выводы были поддержаны другими исследователями. Г.Н. Курилов отмечает: «Различия в их языках настолько существенны, что их носители не могут общаться между собой без посредства русского или якутского языков» [Курилов, 2003, с. 9]. При описании идиома лесных юкагири Е.С. Маслова указывает его уже в статусе языка: «Kolyma Yukaghir is one of the existing Yukaghir languages (which used to be referred to as dialects of Yukaghir in the literature)*» [Maslova, 2003, p. 1]. И.А. Николаева придерживается той же позиции: «Значительные расхождения между отдельными диалектами юкагирского языка, особенно в сфере лексики, позволяют рассматривать юкагирский язык как целую семью близкородственных языков, иногда именуемую юкагирско-чуванской» [Николаева, Хелимский, 1996, с. 155]. Действительно, прежде всего явные расхождения в тундренном диалекте (далее – ТЮ) и лесном диалекте (далее – ЛЮ) наблюдаются на лексическом и фонетическом уровне и менее явно – на грамматическом, например:

а) в лексике: ТЮ *пуриэ* – ЛЮ *лэбэйдии* ‘ягода’; ТЮ *ньингомизэй* – ЛЮ *мусин* ‘разный’; ТЮ *маархуонь* – ЛЮ *иркиэй* ‘один’; ТЮ *ньидьэрпэй* – ЛЮ *илльуой* ‘новый’; ТЮ *чабадьэй* – ЛЮ *уйсь* ‘работает=он’; ТЮ *мотинэн* – ЛЮ *чуо* ‘уже’ и др.;

б) в фонетике: в ТЮ есть звук *w*, но нет в ЛЮ; в ЛЮ есть звуки *ж* и *ш*, но нет в ТЮ; ака-

ющее и окающее произнесение: ТЮ *wанар*, ЛЮ *онор* ‘язык’; ТЮ *амдуй*, ЛЮ *омдуй* ‘спешит’ и др.; секающее и шекающее произнесение: ТЮ *саал*, ЛЮ *шаал* ‘дерево’; ТЮ *сэгуй*, ЛЮ *шөги* ‘вошел’ и др.; замена или опущение звуков в словах: ТЮ *нимэ*, ЛЮ *нумэ ~ нумо ~ нумө* ‘дом’; ТЮ *тиwэ*, ЛЮ *тибо* ‘дождь’; ТЮ *чамуонь*, ЛЮ *чамуой* ‘большой=он’; ТЮ *маам*, ЛЮ *миэй* ‘ждет=он’; ТЮ *waай*, ЛЮ *аай* ‘опять’ и др.;

в) в грамматике: наличие в ТЮ и отсутствие в ЛЮ ауслатного звука у показателей творительного падежа: ТЮ *-лэк*, ЛЮ *-лэ*; наличие в ТЮ и отсутствие в ЛЮ ауслатного звука у показателей логического выделения имени существительного: ТЮ *-лэнг*, ЛЮ *-лэ*; наличие в ТЮ и отсутствие в ЛЮ ауслатного звука у личного окончания глагола 1-го лица единственного числа: ТЮ *-йэнг*, *-мэнг*, ЛЮ *-йэ*, *-мэ*) [Крейнович, 1968, с. 451; Курилов, 2003, с. 9–11].

Помимо этого, непонимание между диалектоносителями подтверждается в живом общении между ними. В.И. Иохельсон описывал ситуацию, когда при встрече колымский юкагир, которым был его переводчик, и тундренные юкагиры «не понимали друг друга, настолько отличаются их диалекты, и они были вынуждены общаться на якутском и тунгусском языках, которыми обе стороны хорошо владели» [Иохельсон, 2005, с. 90]. В другом случае, во время первого съезда юкагири в 1992 г. в с. Нелемное Верхнеколымского района РС (Я) делегаты в лице тундренных и лесных юкагири также прибегали к помощи русского и якутского языка, поскольку не понимали друг друга на своих «родных» языках [Курилов, 2005, с. 270].

Для измерения степени взаимопонятности диалектов и соответственно вычисления лингвистического расстояния между языками наиболее удобным и универсальным материалом является лексика. В этом отношении показательны выводы М.А. Живлова, составившего юкагирские стословники на ТЮ и ЛЮ, где процентное совпадение составляет 47,1 [по: Немировский, 2017, с. 65]. Если за пороговое значение брать усредненный показатель менее 90% (время распада более 1100 лет назад, по формуле Сводеша-Старостина) для 100-словного списка, то

* Колымский юкагирский язык – один из существующих юкагирских языков (именуемый юкагирским диалектом в литературных источниках). – *Перевод наш.*

ТЮ и ЛЮ действительно можно считать отдельными языками кластера, т.н. юкагирской языковой семьи, в которую входили также языки омоков и чуванцев. Сравнение слов более ранних источников также подтверждает наименьший процент совпадений. Г.Н. Курилов проанализировал словарь Ф. Матюшкина («Собрание слов чуванского и омоковского языков», 1841) и обнаружил, что количество общих для ТЮ и ЛЮ лексем составляет ок. 35% [Курилов, 2003, с. 36]. Эти слова схожи по значению, а их фонетико-графический облик совпадает либо полностью (ТЮ-ЛЮ *мэт* ‘я’, *ханьин* ‘когда’, *көнмэ* ‘напарник’, *читнэй* ‘длинный=есть=он’, *анньэй* ‘говорит=он’, *йахтэнги* ‘поют=они’, эл ‘не’), либо частично (ТЮ *сугудьэ*, ЛЮ *шубэдьэ* ‘сердце’; ТЮ *гуниль*, ЛЮ *куниль* ‘десять’, ТЮ *паралиш*, ЛЮ *пажильшим* ‘щекочет=он’).

Возникает вопрос: в какое время и по каким причинам начался процесс дивергенции? По мнению исследователей, в кон. II тыс. до н.э. – нач. I тыс. до н.э. на довольно обширной территории современной Якутии уже существовали два праюкагирских ареала – североюкагирский и южноюкагирский, на что указывают совпадающие глоттохронологические (1350 г. до н.э.) и археологические датировки (1300 г. до н.э.). Эти ареалы были достаточно географически удалены друг от друга, чем на это указывают источники XVII–XIX вв., следовательно, занимаемая праюкагирами территория в конце III тыс. до н.э. была намного значительней и соотносится с носителями «вафельного» ымыяхтаха. С третьей четверти II тыс. до н.э. (ок. 1300 г. до н.э.) на территории Якутии начинается распространение усть-мильской культуры (возможно, мигранты из Прибайкалья), поглотившей южных ымыяхтахцев, ставших предками носителей южноюкагирских языков, но не затронувшей северных ымыяхтахцев, предков носителей североюкагирских языков. Это время явилось началом, а усть-мильская культура – причиной распада общеюкагирского ареала, обособления и разделения культур, в первую очередь, по языку [Немировский, 2017, с. 64–65, 67]. Позднее обособившиеся юкагирские ареалы начали менять свои границы и удаляться друг от друга под влиянием как постоянно соседствующих культур – коряков и чукчей, так и пришлых – тунгусов (с XII в.), якутов (с XVI в.) и русских (с

XVII в.). Контакты между юкагирскими племенами ослабевали.

Между тем изолированное нахождение в окружении других народов со временем привело к нарастанию языковых различий. С одной стороны, одним из факторов этого стало распространенное издавна на Севере многоязычие. «Группа говорила на собственном языке, на языке соседней группы и на некотором третьем языке, который служил языком-посредником при общении с теми, кто не знал первых двух языков» [Вахтин, 2016, с. 15]. Юкагиры могли говорить не только на собственном, родном языке, но и на чукотском, эвенском, якутском и русском, при этом якутский обычно выступал языком-посредником. Следствием многоязычия явились заимствования и языковой сдвиг. Исследователи отмечают в ЛЮ выраженное проявление русской лексики, начиная от заимствований и кончая подменной и утратой исконных слов (напр., рус. *тобоко* вместо ЛЮ *пубэл* ‘собака’), явлений русской грамматики (напр., замена исконных грамматических категорий соответствующими русскими эквивалентами: рус. *надо* вместо долженст. *-можши/-мииби*), а также случаи переключения, смешения и склеивания кодов (напр., *красный лиса надонгоол дуу?* ‘красная лиса нужна ли?’) [Иохельсон, 1900, с. 158; 1934, с. 150; Крейнович, 1958, с. 245–254; 1968, с. 451; Курилов, 2003, с. 229, 234; Туголуков, 1979, с. 131; Бурыкин, 2002а, с. 297; 2003, с. 2006; Курилова, 2017, с. 354; Fortescue, 1998, р. 164–165; Maslova, 2003, р. 25–27; Matič, 2008]. В этом отношении ТЮ оказался менее подвергнут иноязычному влиянию, ограничившись культурными заимствованиями [Иохельсон, 1934, с. 150; Крейнович, 1958, с. 248; Курилов, 2003, с. 213]. Принято считать, что этнические меньшинства начали прогрессивно утрачивать свои языки в 70-х гг. XX в. Однако в случае с юкагирами процессы языкового сдвига имели место еще в начале XX в., о чем свидетельствовал В.И. Иохельсон, отмечавший распространенный полиглотизм среди юкагиров и случаи утраты некоторыми группами юкагиров своего языка и перехода на якутский или русский [Иохельсон, 2005, с. 90–91]. По состоянию на 2010 г., процент людей, указавших юкагирский язык родным, составляет

менее половины (44%). При этом почти 100% опрошенных указали на знание русского языка и почти 50% – якутского.

Наименьшее влияние со стороны иноязычного окружения стало одной из причин, по которой Г.Н. Курилов предложил заложить ТЮ в основу литературного языка юкагиров. При этом учитывались и другие факторы – численность носителей, распространенность, преподавание и письменность.

Так, в конце 80-х гг. XX в., когда началась деятельность по выработке ЮЛЯ, 356 человек указали юкагирский язык родным (перепись 1989 г.), из которых в РС (Я) ТЮ владели ок. 150 чел., а ЛЮ – ок. 50 чел., 20% и 10% соответственно от 60 лет и старше [Вахтин, 2001, с. 178; Nikolaeva, 2008]. На сегодня, при общей численности владеющих в 311 человек (перепись 2010 г.), ТЮ владеют 275 чел., а ЛЮ – 36 чел. Однако, согласно статистике полевых исследователей, заявлять можно лишь о менее 50 носителях ТЮ и менее пяти носителях ЛЮ в возрастном диапазоне от 60 и старше [Шадрин, 2014, с. 11–12; Оде, 2016, с. 500; Прокопьева, 2016, с. 616]. И в период создания ЮЛЯ, и в настоящее время сохраняется преобладание юкагирского населения, владеющего ТЮ. Выраженная противоречивость официальных и неофициальных данных связана с нечеткостью понятия «родной язык» (либо это язык, усвоенный в детстве, либо – язык, омонимичный этнониму) и потребностью в этнической самоидентификации [Вахтин, 2016, с. 9, 38, 41].

В плане территориального распространения ареал ТЮ проходит по нижнему течению р. Колыма, главным образом в сс. Андрюшкино и Колымское, а также в отдельных оленеводческих стойбищах в тундре. Единичные носители ЛЮ есть в с. Угольное и п. Зырянка Верхнеколымского района РС (Я), в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. Использование юкагирского языка в целом ограничивается исключительно рамками семейно-бытового и производственного общения. Среди более молодого поколения наблюдается рецептивное знание родного языка [Бурькин, 2002а, с. 297; Харитонов, 2016, с. 13].

В истории преподавания юкагирского языка хронологическим началом является 1980 г. с введением преподавания ТЮ в школе с. Ан-

дрюшкино как предмета. Позднее, в 1986 г. в учебную программу школы с. Нелемное было введено преподавание ЛЮ сначала на факультативной основе, а с 1990 г. – как предмета в начальных классах. С недавнего времени ТЮ начали преподавать и как предмет, и факультативно в школах п. Черский и с. Колымское Нижнеколымского района, а также в с. Казачье Усть-Янского района [Горохова, 2017, с. 11]. Юкагирский язык преподается в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова (Якутск) и Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). С 2016 г. года началось обучение юкагирскому языку на общественных началах с помощью whatsapp-приложения. Однако именно через детские сады и школы, по убеждению Г.Н. Курилова, «должна начаться судьбоносная работа по распространению литературного языка и постепенному переходу юкагиров на единый язык» [Курилов, 2003, с. 15].

Юкагирский язык принято относить к т.н. младописьменным (новописьменным) языкам советского периода. В то же время, по мнению исследователей культуры юкагиров, ранней формой юкагирской письменности необходимо считать идеографическое (пиктографическое) письмо на бересте, называемое *шангар-шорилэ* (букв. ‘письмо на коже дерева’) или *тос* (от як. туос ‘береста’). Эта система письма, используемая как средство общения между кочевниками для передачи информации, возникла не позже XVII в. и просуществовала до конца XIX в. [Иванова-Унарова, 2017, с. 44]. Впервые она была обнаружена у лесных юкагиров С.М. Шаргородским в 1892 г. и позднее дополнена В.И. Иохельсоном в 1896 г. Письмена представляли собой условные знаки, нанесенные линиями или пунктирными точками с помощью костяного шила или кончика ножа на очищенную внутреннюю сторону бересты [Иохельсон, 2005, с. 610; Вахтин, 2016, с. 27]. Пиктографическое письмо юкагиров принято делить в хронологическом аспекте на ранние пиктографические рисунки с символическими знаками и поздние сюжетные графические рисунки, по типу – на женские и мужские. Женские письма использовались в качестве любовных писем, адресованных мужчине. Условные знаки в таких письменах в совокупном прочтении передают состояние души

человека, его мысли и душевные переживания, симпатию и любовь по отношению к другому человеку. Мужские (или маршрутные) письма более реалистичны и разнообразны по сюжету. Они могли содержать и передавать довольно объемную информацию о том, что, кто и где находится и чем занимается, какие события произошли, и даже эмоциональные взаимоотношения людей через серию сцен, изображенных на одной бересте. У тундренных юкагиров подобные письма не обнаружены, что связано, по мнению исследователей, либо с их утратой, либо с отсутствием бересты в местах их проживания [Иохельсон, 1898, с. 287–289; Туголуков, 1979, с. 107; Иванова-Унарова, 2014, с. 65; 2017, с. 40–43]. С появлением бумаги и буквенного письма необходимость в «берестяной почте» и пиктограммах отпала, что не позволило идеографической письменности юкагиров выйти на более сложный уровень.

Официально юкагирская письменность на основе кириллицы с использованием диакритических знаков появилась в 1969 г. с изданием первого произведения на ТЮ – поэмы-сказки Г.Н. Курилова «Человек и Красный Зверь». Диакритические знаки, типичные для латиницы, усложняли письмо, затрудняя чтение и понимание текста, в чем признавался сам автор, что и сподвигло его на оптимизацию юкагирской графической системы, поиск графем, которые были бы более удобны, а главное «экономичны» в написании и для восприятия. Беря во внимание факт знания юкагирами якутского языка, поэт и ученый Г.Н. Курилов принимается за разработку правил орфографии юкагирского языка. В частности, была уточнена графическая система, как, например, замена диакритиков с апострофом графемой с мягким знаком ($d' > дь, л' > ль, н' > нь$, кроме $t' > ч$), замена диакритиков q и x графемой фонемы x , замена диакритиков со знаком долготы графемой долгого монофтонга ($a: > aa, u: > uu, o: > oo, э: > ээ$), замена графемы фонемы w графемой фонемы $в$. В последнем случае у графемы щелевой фонемы w долгая и непростая история. Фонема w есть только в ТЮ (*вальбэ* 'друг', *хонмарав* 'карус'), в ЛЮ ее нет. В связи с отсутствием в 1970-х гг. XX в. литеры с буквой w в гарнитуре типографии Якутского книжного издательства Г.Н. Курилов заменил ее на y (*уальбэ, хонмару*). В таком

звуковом раскладе исследователь-лингвист Е.А. Крейнович усмотрел дифтонгизацию двух сопряженных гласных i , со своей стороны, предложил использовать графему $в$ с двойным апострофом (*в''альбэ, хонмэрав*). Сознательно избегая загроможденности диакритиками, Курилов остановил свой выбор на графеме $в$ без каких-либо знаков (*вальбэ, хонмэрав*) [Курилов, 2011, с. 68–69]. В 2017 г. Гаврил Николаевич все же инициировал введение графемы w вместо $в$, считая, что она более адекватно и полно передает звучание юкагирских слов.

Эти и другие нормы графики и орфографии были изложены Г.Н. Куриловым в «Правилах орфографии юкагирского языка» (1987), разработанных с целью обеспечения единообразия передачи слов и грамматических форм речи на письме, а также для облегчения усвоения письменной формы родного языка. Если у тундренных юкагиров на основе выработанной регламентации в языке велось преподавание в школах, издавались учебные пособия и книги для детей, то в отношении ЛЮ эти нормы не совсем прижились ввиду существенных различий лексики и недостаточной изученности фонетики обоих диалектов. Таким образом, ЮЛЯ отличается от традиционного понятия литературного языка, предполагающего наддиалектность и единообразие. Наддиалектность соотносится с обработанностью, направленной на достижение общенародного употребления и нормативности. Обособление ЮЛЯ от одного диалекта Г.Н. Курилов видит в объединении черт ТЮ и ЛЮ через использование диалектного материала не только этих двух сохранившихся диалектов, но и других несохранившихся, но зафиксированных в различных документах юкагирских диалектов. Например, слово *йэнгилэ* 'огонь' из словаря П. Палласа Г.Н. Курилов предлагает использовать для обозначения понятия 'костер' (ср. ТЮ *лачил*, ЛЮ *лосыл* 'огонь'), или же другие слова, как *суута* 'город', *аачель* 'судно', *маньэ* 'собака определенной породы' и др. Если же материал не позволяет решить проблему лакуарности, то, по его мнению, можно обратиться к генетически родственным языкам [Курилов, 2003, с. 39; см.: Nikolaeva, 2006, p. 20].

Другим аспектом становления литературного языка является модернизация языка, а именно развитие словаря, что могло бы способство-

вать решению задачи престижа и расширения сфер использования языка. Пути модернизации словаря Г.Н. Курилов видит в использовании различных способов совершенствования лексики, таких, как:

а) образование сложных слов через простое сложение (напр., ТЮ *өнидьэ* ‘песок’ + *лэгүл* ‘еда’ > *өнидьэлэгүл* ‘мука’) и через соединительные компоненты (напр., ТЮ *йуодии* ‘глаз’ + *-д- + аавиши* ‘одеяло’ > *йуодидаавиши* ‘очки’, *кэрэвэ* ‘корова’ + *-н- + нимэ* ‘дом’ > *кэрэвэннимэ* ‘хлев’) [Курилов, 2003, с. 66, 189, 194, 204];

б) аффиксальное образование слов с использованием словообразовательных возможностей языка (напр., ТЮ *лободьэ* = ‘мыться’ > *лободьяанубэ* ‘умывальник; баня’, *ураа* = ‘учиться’ + *-нубэ* ‘место, где что-л. делается’ > *ураанубэ* ‘школа’) [Курилов, 2001, с. 207; 2003, с. 67, 161, 168];

в) безаффиксальное образование слов путем субстантивации причастий (напр., ТЮ *аууол* = ‘быть свежим’ > *аууодьэ* ‘свежий’ > *аууодьэ* ‘свежесть’) [Курилов, 2001, с. 22];

г) безаффиксальное словообразование посредством конверсии (напр., ТЮ *аавэ* = ‘спать’ > *аавэ* ‘сон’, *худуол* = ‘лежать’ > *худуол* ‘лежание’) [Курилов, 2003, с. 173–174];

д) расширение значения имеющихся слов (напр., ТЮ *йуору* = ‘царапать; чесать’ + ‘говорить колкости’, *чонгичэ* ‘защитник’ + ‘адвокат’) [Там же, с. 187];

е) семантическая дифференциация диалектных слов (напр., ТЮ *көдэ* ‘человек’, ЛЮ *шоромо* ‘человек’ > *шоромо* ‘важный человек’) [Там же, с. 182–183].

В последнем способе Г.Н. Курилов видит возможности для перспективной унификации ЮЛЯ и сохранения языкового своеобразия обоих находящихся под угрозой исчезновения диалектов. Такой способ модернизации, предложенный ученым, предполагает включение в общеюкагирский язык слов, расхожих по звучанию, но тождественных по семантике с противопоставлением их значений по смысловым оттенкам (ТЮ *хомоньэ* =, ЛЮ *ньонуо* = ‘быть голубым, быть зеленым’ > ЮЛЯ *хомоньэ* = ‘быть голубым, синим’, *ньонуо* = ‘быть зеленым, изумрудным’), стилевой принадлежности (ТЮ *йуодии*, ЛЮ *андьэ* ‘глаза’ > ЮЛЯ *йуодии* ‘глаза’, *андьэ* ‘очи’), экспрессивной наполненности

(ТЮ *эндэ* =, ЛЮ *тиэдуо* = ‘зажечь’ > ЮЛЯ *эндэ* = ‘зажечь’, *тиэдуо* = ‘пылать, гореть, ярко освещая и грея’) и др. [Курилов, 2003, с. 183, 185]. Качественное изменение лексической системы общеюкагирского языка в свою очередь, по мнению Г.Н. Курилова, способствовало бы развитию функционально-стилевой системы ЮЛЯ (напр., ТЮ *абучиэ* ‘бабушка’ > ‘акушерка’, *вэрвэ* ‘сила’ + ‘мощность’, *чонгичэ* ‘защитник’ + ‘адвокат’, *чугуол* ‘быстрота’ + ‘скорость’ и др.) [Там же, с. 187]. Словопроизводство возможно и за счет гибридизации диалектных материалов, которая уже имела место в юкагирском языке (напр., *ньанмэйэйэ* ‘верша’ < ТЮ *ньанмэ* ‘тальник’ + ЛЮ *йоуйо* ‘сеть’, *ньяачэхайр* ‘шкура с морды животного’ < ТЮ *ньяачэ* ‘лицо; морда’ + ЛЮ *хаар* ‘шкура’ и др.).

На наш взгляд, способ модернизации языка для выработки общенародного языка через дифференциацию значений диалектных слов положителен в том плане, что совершенствование идет на условиях родного языка. Вместе с тем данный вопрос требует дополнительного обсуждения. Не станет ли этот способ своего рода искусственным смешением/сближением диалектов, переплетение признаков которых в естественных условиях обычно приводит к образованию переходного диалекта? Не приведет ли это к ассимиляции одного диалекта другим, к истиранию границ между ними?

С другой стороны, мы считаем, что не менее важен при выработки ЮЛЯ принцип «взаимопомощи», при котором диалект, утративший один из исконных элементов, содействует другому через внесение своего материала на место утраченного в другом диалекте (напр., ТЮ *вэрвэ* ‘сила’ для ЛЮ *сиилэ* < рус. сила, ТЮ *маачэ* ‘аркан’ для ЛЮ *маамут* от эв. маавут ‘аркан’ и др.).

Основные тенденции развития и вместе с тем изменения любого языка связаны с взаимодействиями, проникающими в язык-реципиент из языка-донора по различным внутриязыковым и внеязыковым причинам. В истории юкагирского языка исследователи выделяют пять контактных периодов – XVII–XVIII вв., XVIII–XIX вв., вторая пол. XIX в. – 30-е гг. XX в., 30–50-е гг. XX в., нач. 60-х гг. XX в. – настоящее время. Для каждого периода характерны своя степень регулярности с одним из контактных

языков (чукотско-корякские, тунгусские, якутский, русский), ступени и формы билингвизма носителей языка-реципиента (активный/пассивный, односторонний/двусторонний, в зависимости от интеграционных процессов в стране в результате создания государства и миграций, чистый/смешанный и др.), типы трансфера (заимствования закрепленные и условные, вкрапления, гибридные образования) и их ассимилятивные особенности, изменения на различных уровнях языка (фонетика, лексика, морфосинтаксис) [Крейнович, 1958, с. 246–251; Курилов, 2003, с. 237, 242; Бурыкин, 2003; Matič, 2008; см. также: Курилова, 2015; 2016; Kurilova, 2017]. С одной стороны, способ обогащения лексического фонда языка через заимствования продуктивен по отношению к ЮЛЯ в плане, во-первых, обогащения языка, что сделало бы его более емким и выразительным, и, во-вторых, дифференциации и детализации заимствованного материала для расширения сфер и форм общественно-речевой практики. С другой стороны, существует опасность «засилия» юкагирского языка иноязычными словами, которые с 30-х гг. XX в. порой не подвергались никаким ассимилятивным процессам, являя собой варваризмы, время от времени вкрапляемые в речь. Главным образом, речь идет о прямых и опосредованных через якутский язык русизмах, принесших с собой в юкагирский язык фонетические и грамматические явления и нормы как языка-донора, так и языка-посредника. По мнению Г.Н. Курилова, подобные иноязычные слова и сопутствующие им явления, не свойственные языку-реципиенту, могут привести к ломке языка и его систем и, более того, препятствовать развитию его литературного стандарта [Курилов, 2003, с. 251, 272]. Во избежание подобной неблагоприятной перспективы Г.Н. Курилов предлагает целенаправленную адаптацию «чуждых» переносов через замену исконными словами (напр., ТЮ *пугулэндьэ* ‘обогреватель; дизельная станция’ < *пугулэр* = ‘согреть’ + субст. -*дьэ*) [Курилов, 2001, с. 390], создание новых слов (напр., ТЮ *пэлтэлданньэ* ‘то, что достигаемо’ или *виэйуолморав* ‘то, что должно быть сделано’ вместо як. *былаан* < рус. *план*) [Курилов, 2003, с. 265] или расширение значения исконных слов (напр., ТЮ *кэриэ* = ‘упасть, свалиться’ + ‘сняться (в кино); сфотографироваться’) [Курилов, 2001, с. 181].

Таким образом, мы можем видеть, что ЮЛЯ лишь проходит этап частичной апробации с конца XX в. Это совсем небольшой срок с учетом того, что выработка единых для определенного социума норм литературного языка и, в особенности, его устной формы – длительный и сложный процесс. Насколько это целесообразно в отношении юкагирского языка, для которого характерны младописьменность, ограниченное число носителей, расхождение диалектов по языковым системам и, как следствие, сложности с выработкой орфографических норм и путей совершенствования лексики общеюкагирского языка как основы ЮЛЯ со всеми его признаками общности и многофункциональности? По мнению А.А. Бурыкина, к понятию литературный язык применительно к языкам народов Севера необходимо подходить, исходя из тождества литературного языка и письменного языка, заключающегося не в официальных формах устного языка, а в их исключительно письменной форме [Бурыкин, 2002б]. С его точки зрения, письменные тексты, имеющие выраженные диалектные черты, не благоприятствуют скорому появлению литературного языка в традиционном его понимании, с учетом того, что сферы функционирования языков народов Севера, притом в письменной форме, существенно и неуклонно сужаются [Бурыкин, 2001]. Многие другие языковеды считают, что имеющиеся письменные памятники народов, их устная эпическая поэзия, формульные элементы в языке обряда и устного права обладают в своей совокупности теми же признаками наддиалектности и обработанности, которые характерны для литературного языка, поскольку прослеживается преемственность между обработанными формами языка дописьменного периода и языком более поздних жанров. В этом плане принципы формирования литературного языка для младописьменного языка имеют принципиально иную форму в связи с проблемой выбора «опорного» языка и исторически отличных условий, нежели у языков с длительной письменной традицией [Литературный язык, 1970, с. 39–41]. Тем не менее зачинатель и реформист юкагирской графики и письменности Г.Н. Курилов уверен, что благодаря верно выбранному направлению языковой политики государства и сознательному участию самих юкагиrow, разрабаты-

ваемый ЮЛЯ вберет в себя богатство фонетических, лексических и грамматических систем юкагирских диалектов и станет всеобщим достоянием юкагирского народа в разных сферах жизни [Курилов, 2003, с. 6, 12, 16, 67, 182, 186–187, 211–212, 269–273].

Литература

Бурыкин А.А. Лингвистические взгляды С.М. Широкогорова и общие проблемы литературных языков малочисленных народов Севера России в 30–90-е годы XX века // Широкогородские чтения. Проблемы антропологии и этнологии. – 2001. – С. 12–17. [Электронный ресурс]. URL: http://altaica.ru/LIBRARY/burykin/burykin_shorokogorof.pdf (дата обращения: 26.05.2018).

Бурыкин А.А. Юкагирский язык // Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002а. – С. 294–301.

Бурыкин А.А. О соотношении понятий «литературный язык» и «письменный язык» применительно к языкам малочисленных народов Севера РФ: матер. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения члена-корр. РАН А.Н. Десницкой. – СПб., 2002б. – С. 33–40. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistic1/burykin-02.htm> (дата обращения: 21.05.2018).

Бурыкин А.А. Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагиrow // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2003. – С. 169–180. (рукопись)

Бурыкин А.А. Переключение кодов, смешение кодов, кодовая парадигматика и проблемы идентификации смешанных форм речи: матер. XXXV Междунар. филол. конф. // Уралистика. – 2006. – Вып. 16, ч. 1. – С. 32–38 (рукопись)

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.

Вахтин Н.Б. Языки Сибири и Севера: матер. к учебнику. – СПб.: Нестор-история, 2016. – 48 с.

Горохова Р.Н. Йанугайл – центр возрождения этнокультурных традиций юкагиrow // Илкэн. – 2017. – № 4. – С. 11.

Иванова-Унарлова З.И. Наследие древней культуры юкагиrow и инуитов в современном искусстве Арктики // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. Искусство. Искусствоведение. – 2014. – № 2(3). – С. 63–68.

Иванова-Унарлова З.И. Рисунки на бересте как ранняя письменность юкагиrow // Фольклор палео-

азиатских народов: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 36–45.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письменна // Известия ИРГО. – СПб., 1898. – Т. XXXIV, вып. 3. – С. 255–290.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. – 1900. – Вып. 1–4. – 654 с.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера / под ред. Е.А. Крейновича; под общ. ред. Я.П. Алькора. – Ч. 3. – М., Л.: ГУПИ, 1934. – С. 149–180.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: монография. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 288 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. – Л., 1968. – Т. 5. – С. 435–452.

Курилов Г.Н. Правила орфографии юкагирского языка. – Якутск: ЛОП ЯГУ, 1987. – 32 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Курилов Г.Н. Новый взгляд на статус юкагирских диалектов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества: матер. науч.-практич. конф., посвящ. десятилетию коренных народов мира (г. Якутск, 15 декабря 2004 г.). – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 270–271.

Курилов Г.Н. К вопросу о литературном языке юкагиrow // Проблемы изучения и сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): матер. регион. науч.-практич. конф. (г. Якутск, 9 сентября 2011 г.). – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2011. – С. 68–70.

Курилова С.Н. Общая характеристика особенностей фонетической ассимиляции иноязычных лексических единиц в языке тундровых юкагиrow // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: СамНЦ РАН, 2015. – Т. 17, №1(5). – С. 1162–1166.

Курилова С.Н. Специфика семантического освоения как разновидности заимствования в языке тундровых юкагиrow // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 1(43), ч. 4. – С. 66–69.

Курилова С.Н. Инолексика в фольклоре тундровых юкагиrow как отражение историко-культурных

особенностей контактных ситуаций // Фольклор палеоазиатских народов: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 353–363.

Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1970. – 597 с.

Немировский А.А. Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотношения (пра)юкагиров // Фольклор палеоазиатских народов: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 59–70.

Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1996. – С. 155–168.

Оде С. Тундренный юкагирский язык // Язык и общество: энциклопедия. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 500–502.

Прокопьева П.Е. Язык лесных юкагиров // Там же. – С. 614–618.

Тугодуков В.А. Кто вы, юкагиры? – М.: Наука, 1979. – 152 с.

Харитонов В.С. Юкагирские языки сегодня: социолингвистическая ситуация // Малые языки. – 2016. – № 2. – С. 9–21.

Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности юкагиров в современных условиях // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 9–19.

Fortescue M. Language relations across Bering Strait: reappraising the archeological and linguistic evidence. – London / New York: Cassel, 1998. – 307 p.

Kurilova S.N. Foreign accessory morphemes in Yukaghir: Yakut word-building affix *-laa* // Proceedings of the 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts – SGEM–2017. – Book 3, Vol. 2. – P. 721–728.

Maslova E. Grammar of Kolyma Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. – 610 p.

Matić D. Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax // Sprachkontakt, synchron und diachron. In A. Casaretto, S. Kutscher (eds.). – Aachen: Shaker, 2008. – P. 93–124. (manuscript)

Nikolaeva I.A. A historical dictionary of Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 500 p.

Nikolaeva I.A. About the Yukaghirs // Finno-Ugrian Society. – 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sgr.fi/yukaghir/intro/yukaghirs.html> (дата обращения: 16.03.2018).

Сокращения

Долженст. – аффикс долженствовательного наклонения

ЛЮ – лесной диалект

Рус. – русский язык

Субст. – субстантиватор

ТЮ – тундренный диалект

Эв. – эвенский язык

ЮЛЯ – юкагирский литературный язык

Як. – якутский язык

S.N. Kurilova

Problems of Formation of the National Yukaghir Standard Literary Language

The article considers the issues on formation of the Yukaghir literary language and definition of its development priorities. The causes preventing the development of the literary norms have received special attention. The main cause is a large difference between the systems of two Yukaghir dialects survived to the present day. The difference has to do with, first, historical circumstances of the Yukaghir language formation, and second, foreign language influence. The phonetic and lexical differences between Tundra and Forest dialects suggest revising their status as separate, but closely related languages. As consequence, the alphabet and orthographical norms developed for the Yukaghir in general actually became property of Tundra Yukaghir speakers, but not fully of Forest ones. Therefore, an initiator of the Yukaghir writing and orthography G.N. Kurilov suggests to make efforts to codify their differences and finalize the existing norms and rules of the Yukaghir orthography. The orthographical reform proposed by him implies the modernization involving both survived Yukaghir languages, and vanished, but documented ones, i.e. using Yukaghir own word-building resources. The Yukaghir national language would enable to broaden the spheres and forms of its application.

Keywords: Tundra Yukaghirs, Forest Yukaghirs, Yukaghir language, idiom, dialect, literary language, written language, norm, modernization, word-building, borrowing, affix.